

Регина
Майснер

*Этот замок
хранит больше
тайн, чем можно
представить...*

КАК
СОБЛАЗНИТЬ
КОЛДУНА

Regina Meissner

**HOW
TO SEDUCE
A SORCERER**

Регина Майстер

**КАК
СОБЛАЗНИТЬ
КОЛДУНА**

*Посвящается Мэри.
За все скелеты в наших шкафах, Пеннивайза,
темные ночи в комнате страха
и того парня из Five Guys.
Люблю тебя всей душой*

ПЛЕЙЛИСТ

- Vance Joy* — «*Fire and the Flood*»
Ruelle — «*War of Hearts*»
Klery, Valerie Broussard — «*Start a War*»
Pim Stones — «*We have it all*»
Sam Tinnesz — «*Far From Home (The Raven)*»
Maia Hirasawa — «*Here in Your Arms*»
Saint Mesa — «*Sunlit Grave*»
Eric Kinny, Danica Dora — «*Last Goodbye*»
Lord Huron — «*The Night we Met*»
Digital Dragons — «*In Flames*»
SVRCINA — «*Meet Me on the Battlefield*»
UNSECRET, Ruelle — «*Revolution*»
Ethan Hodges — «*Don't watch me cry*»
Michael Schulte — «*Falling Apart*»
Tommee Profitt, Sam Tinnesz — «*Heart of the Darkness*»
Haley Joelle — «*Memory Lane*»
Sleep Token — «*Atlantic*»

ГЛАВА 1

ДОЖДЬ И КРЫСЫ

Я встречала смерть так часто, что в конце концов перестала ее бояться. По-настоящему страшно — увидеть, как она смотрит в глаза. Так было с моим первым мертвецом. Стоило обшарить его карманы в поисках денег или чего-нибудь съедобного, как бледное и, казалось, навсегда обездвиженное тело зашевелилось и открыло глаза. Все еще чувствую, как на шее сжимаются костлявые пальцы, как они стискивают горло, как становится труднее дышать...

Я прогнала воспоминания прочь и плотно сжала зубы. Это случилось больше года назад, все давно позади. Тем более сейчас я стою на коленях перед человеком, который уж точно мертв. Глаза устремлены в разразившееся проливным дождем небо, тело холодное и неподвижное. Бледная кожа покрыта уродливым узором трупных пятен.

Действовать нужно быстро, иначе меня опередят. С тревогой я оглянулась через плечо, а затем вцепилась в пуговицы, стараясь как можно быстрее рас-

стегнуть рубашку мертвеца. Осмотрела оголенный торс: дорожка из тонких волос, больше напоминающих пушок, тянулась по впалому животу, ребра просвечивали. Такой же голодающий, как и все мы.

Я быстро обыскала карманы и грязный матерчатый мешок, который все еще сжимали неподвижные руки, надеясь найти чем поживиться. Тихо зарычала себе под нос: самое ценное, что было у мертвеца, — грязь под ногтями. Глубоко вдохнула, оттолкнула труп и встала.

Дождь лил такой сильный, что я едва видела дорогу перед собой. Я кое-как убрала длинные мокрые пряди с лица и собрала их в небрежную косу на затылке. От холода зуб на зуб не попадал. Я торопливо шла по пустынным улицам, время от времени перебираясь через стены полуразрушенных домов, и пряталась под мостом, когда начинался град.

Трижды глубоко вздохнув, я пыталась успокоиться. Голова закружилась от трупного запаха. Задерживаться нельзя, нужно идти дальше, иначе шансов найти что-нибудь съедобное не останется. Пока же в моей кожаной сумке-мешке лежало всего несколько подпортившихся ягод. Да, этого я и боялась — улов и правда довольно скудный. «Не сдавайся!»

Я вышла из-под моста и, крадучись по переулкам, добралась до главной улицы. В воздухе витал запах смерти и нищеты, который за последние два года стал таким привычным, что я не обратила на него внимания.

Издалека слышались чьи-то крики. Выше по улице, у фонтана, спорили двое мужчин. Затем к ним присоединился третий, и завязалась драка. Я по-

спешила вперед, стараясь не обращать внимание на женщин-попрошак, которые сидели по обеим сторонам улицы, прижимая к себе младенцев. Помочь им мне было нечем. В Криндоне некому похвастаться излишками еды или денег. Здесь не найти человека, которому было бы чем поделиться с другими. Нашему королю плевать на своих подданных. Кто-то, а этот обитатель дворца как из сказки уж точно может не думать о нищете и разрухе.

В лицо снова полетели градины, и я опустила голову. Стараясь держаться в стороне от людей, чтобы не привлекать к себе внимания, я не сразу заметила несущегося на большой скорости всадника и увернулась в последний момент.

— Эй, смотри, куда идешь! — крикнул он мне в спину, хотя я была уже далеко впереди, мчавшись мимо опустевших зданий, в которых когда-то были магазины, квартиры или рестораны.

В конце концов я остановилась у пекарни — запах свежеспеченного хлеба одурманил меня. Не успев понять, что именно привлекло мое внимание, я вздохнула и прильнула к стеклу. На витрине я увидела четыре пухлые буханки хлеба, одна аппетитнее другой. Слева от них лежали булочки и три куса торта.

Я и не помнила, когда в последний раз ела торт. Руки сами собой сжались в кулаки, пока я наблюдала за женщиной в туфлях на высоком каблуке, в боа и шляпе. Ее корзина была доверху наполнена продуктами. Наверняка эта женщина не из Криндона: щеки слишком пухлые, а взгляд зеленых глаз очень живой. Она вышла из пекарни с довольной улыбкой

на лице. Я вздрогнула, внезапно услышав, как зазвенел колокольчик над дверью, а дама бросила на меня холодный взгляд. Понятно, о чем она думала: «Лишь бы никогда не оказаться на ее месте». Едва ли я похожа на девушку двадцати двух лет.

Женщина прошла мимо. Нужно забыть о ней. Развернуться и уйти прочь. Но запах свежего хлеба буквально сводил с ума. Я шла за женщиной через Криндон, прикидывая шансы. Она была значительно старше меня: на вид ей было больше сорока. Сиреневое платье плотно облегло ее бедра, и поэтому женщина шла медленно. Одно неловкое движение — и шляпа моментально слетела бы с ее головы.

Что-то подсказывало мне, что женщине ни разу не приходилось бороться за еду. Война ничего у нее не отняла, а она, вероятно, и не осознавала этого. К тому же дама была одна, а значит, у меня было преимущество. У меня и у десятка других таких же голодающих.

Я неосознанно ускорила шаг, продолжая красться за женщиной, которая теперь шла в сторону рыночной площади. Вот бы затащить ее в переулок! Хотя, возможно, это и не понадобится. Мимо промчался экипаж, и женщина свернула направо, скрывшись за стеной дома. Бросившись вперед, я добралась до балюстрады, за которой она встала, и вырвала корзину у нее из рук. Женщина посмотрела на меня, явно сбитая с толку. Я прекрасно знала, что ей понадобится несколько секунд, чтобы понять, что происходит. Это драгоценное время я и использовала, чтобы убежать.

Пара мгновений — и уже не слышно ее крика, а ее глухие шаги слились с шумом дождя. Я скорее

прыгала, чем бежала по тому переулку, дальше, на восток, из Криндона, пока не добралась до укромного места. Много раз я пряталась сама и прятала свою добычу здесь, на кукурузном поле. Мышцы напряглись, адреналин толкал меня все дальше и дальше вперед, пока я наконец не оказалась на месте. Только вот я была там не одна. Еще трое. Я увидела их, и меня бросило в дрожь, они тут же обступили меня. Я стояла, беспомощно прижав к себе хлеб.

— Убирайтесь! — прошипела я незнакомцам. — Для вас у меня ничего нет!

Куда бы я ни повернулась, везде был кто-то из этих жутких типов. Парни были на вид не старше меня, но от них исходила какая-то нечеловеческая угроза. По коже пробежали мурашки. У меня появилось дурное предчувствие.

— Отпустите! — крикнула я, пытаюсь прорваться сквозь стену дождя и окончательно решив не показывать свой страх.

— Что это у тебя там? — Ко мне широкими шагами подошел самый крупный из них, с усами и лысиной.

В последний момент я обернулась и тут же столкнулась лицом к лицу с еще одним. Я молча смотрела на него, сдерживаясь, чтобы не закричать от ужаса, увидев шрам у него на щеке. И тут со спины подошел третий и схватил меня так крепко, что перехватило дыхание. Привычными, явно отработанными движениями он разомкнул мои пальцы, и хлеб упал на землю. Не успела я наклониться за добычей, как тот, что со шрамом, уже оторвал и отправил себе в рот кусок теплого мякиша.

— Спасибо за ужин, дорогая, — с насмешкой сказал он, обнажив черные зубы.

Я же извивалась из последних сил, чтобы вырваться из неприятных объятий.

— Где ты это взяла? — вдруг прошептал мне на ухо тот, что держал меня.

— Не смей меня трогать! — взревела я и с размаху лягнула его ногой, попав точно по его достоинству.

Он закричал, будто маленький ребенок, и скорчился от боли, упав на землю. Воспользовавшись моментом, я ударила бородатого локтем в глаз, а его приятелю в лицо прилетел мой кулак. У меня не было времени подобрать хлеб. Я встречала таких парней и прекрасно понимала, что по доброй воле они меня не отпустят.

Град все усиливался, а я бежала прочь от кукурузного поля обратно в город. Колени едва не подкашивались от перенапряжения. Остановиться было бы не лучшим решением, и я из последних сил поплелась дальше, вновь пересекая рыночную площадь, где, конечно, давно уже не было никакой состоятельной дамы. Свернула в узкий переулок, чтобы перевести дух. Надо мной на веревках висело грязное белье. Я обратила внимание на пожелтевший плакат на стене дома прямо передо мной, с карикатурой на колдуна. «Любое проявление магии карается смертной казнью», — гласила надпись на плакате большими красными буквами. По спине пробежали мурашки.

Я медленно опустилась на сырую от дождя землю. Пытаясь защититься, обхватила себя руками. Было

очень холодно, и я понятия не имела, как пережить зиму. Руки потянулись к пустому кожаному мешочку, висевшему у меня на бедре. Выходит, я больше часа безрезультатно слонялась по городу в поисках съестного. Я почувствовала, как буквально закипаю от гнева. Вместе с ним пришло и сожаление: вспомнила о Кайде и Тиане, которым сегодня снова пришлось ложиться спать без ужина, потому что сестра не в состоянии о них позаботиться.

Слезы текли по щекам. Как же сильно я ненавидела себя за слабость! Всклипывая, я прижала подбородок к шее. В этот момент солнечный луч пробился сквозь облачную завесу. Град кончился, теперь лишь слегка моросил дождь. Когда вышло солнце, обзор стал лучше. Между фасадами домов на возвышенности где-то на горизонте я увидела замок, который можно было заметить с любой улицы в Криндоне. В замке жил в изгнании старый колдун.

Раздавшийся писк вернул меня из грез. Я торопливо покрутила головой и заметила в луже у трубы полумертвую крысу. У нее не было уха, а через все тело тянулась уродливая коричневая полоса. Я пыталась гнать прочь мысль, которая завладела моим сознанием. Но голод — коварный враг. Чем дольше он держит тебя в своих костлявых тисках, тем больше власти над тобой обретает.

Передо мной сидела крыса. Дома ждала голодная семья. Я подняла правую ногу и врезала сапогом животному по голове. Дважды с силой наступила на крысу и услышала хруст костей. Когда убрала ногу, она все еще дергалась, но спустя несколько мгновений окончательно замерла. Я взяла ее за хвост тонки-

ми худыми пальцами и отправила в сумку. Никто — ни человек, ни существо, владеющее магией, — не должен оказаться в ситуации, когда приходится есть крыс. Но сейчас не время выбирать.

По дороге домой глаза слепило солнце. Последние две недели я не видела ни единого солнечного луча. Я скинула капюшон и взъерошила мокрые волосы. При каждом шаге о бедро билась кожаная сумка. Раньше мысль о том, что внутри крыса, потрясла бы меня. Но сейчас я была слишком вымотана.

Из-за дождя стало скользко, и мне приходилось выбирать дорогу, куда поставить ногу. До дома было совсем недалеко, но мне казалось, будто я отсутствовала целую вечность. Добравшись до небольшого полуразвалившегося домишки, я почувствовала небольшое облегчение. Окоченевшими пальцами вытащила ключ из кармана пальто. Скрипнув, дверь распахнулась, и в нос ударил запах дома, тепла, семьи и безопасности, к которому примешивались запахи спиртного и болезни. Тихо закрыв за собой дверь, я повесила пальто на гвоздь и выскользнула из насквозь промокших сапог.

— Лиора? — Из дверного проема показалась голова Кайды.

Радуюсь моему приходу, она подбежала обниматься. Я присела на корточки и зарылась носом в ее рыжие волосы.

— Ты мне что-нибудь принесла?

— Кое-что найдется.

Сестра смотрела на меня с надеждой, и от этого становилось тяжелее на душе.

— Как там Тиан?

Улыбка тут же исчезла с ее лица.

— Он плохо спал, потом больше не приходил в себя. У него горячий лоб.

Я крепче прижала к себе Кайду, а затем прошла в скудно обставленную спальню сестренки и брата. Мышцы сами собой напряглись, когда я посмотрела на кушетку, где среди одеял и подушек лежал Тиан. Это была самая теплая и единственная в доме комната, которая не пострадала от дождя, но брат все равно постоянно мерз.

Я тихонько подошла поближе. Было бы хорошо, чтобы он спал, ведь во сне он не чувствовал боли. И я могла бы и дальше убеждать себя, что брат поправится. Я опустила на колени и откинула в сторону край одеяла, чтобы коснуться его лба. Температура все еще держалась: Тиан мучился уже три недели. Денег на лекарства не было, лечение магией каралось смертной казнью, а врач редко приезжал в Криндон, и мы не знали, что делать дальше.

Я провела рукой по тонким волосам брата, и у меня сжалось сердце. Тиан открыл глаза. Его взгляд, поначалу совершенно растерянный, наконец остановился на моем лице.

— Тиан, — прошептала я и поцеловала его в лоб. — Как ты?

Кайда подошла к нам и схватила меня за руку. Брат смотрел на меня еще пару секунд, а затем снова закрыл глаза. Я поправила одеяло.

— Он же поправится, да? — как обычно, спросила Кайда.

Было тяжело лгать сестре, но еще тяжелее было бы сказать правду, с которой она наверняка не спрашивалась бы в свои двенадцать лет.

— Конечно, поправится. Ему просто нужно немного отдохнуть, — сжала я ее руку, собираясь идти на кухню. — Я приготовлю ужин.

Кайда тихо пошла за мной.

— Спасибо, что присматриваешь за братом. Ты молодец.

Сестренка смотрела на меня сияющими глазами, и этот взгляд пронзил меня насквозь. Я поклялась себе, что обеспечу ей хорошую жизнь, в которой Кайда не будет ни в чем нуждаться, а не ту, в которой на ужин приходится есть жареную крысу.

— Уроки сделала? — спросила я сестру, садясь на хлищкий табурет.

Она скрестила руки на груди, показывая, что ей скучно об этом говорить:

— Давно уже. Мы все еще читаем «Маджестикус».

Повернувшись к Кайде спиной, чтобы она не видела, что я достаю, вытащила из сумки мокрую мертвую крысу. Я наспех ополоснула ее в ведре, которое мы поставили, чтобы собирать дождевую воду, а затем одним движением отрубила голову. Готовить животное, которое лучше не есть, мне было не впервой. Правда, сколько бы я ни добавляла приправ и как бы мелко ни нарезала мясо, гнилостный, напоминающий рыбный привкус никуда не исчезал.

Резким движением я сняла с крысы шкуру. Разогрела на сковороде последние остатки масла и бросила туда мясо. Оно тут же многообещающе зашипело.